

И.В. ТРОЦУК

**ПОМНИТЬ ИЛИ ЗАБЫТЬ:
ЗНАЧЕНИЕ ВЫБОРА ДЛЯ ПРОШЛОГО И
НАСТОЯЩЕГО**

**АССМАН А. ДЛИННАЯ ТЕНЬ ПРОШЛОГО: МЕМОРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА / ПЕР. С НЕМ.
Б. ХЛЕБНИКОВА. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ,
2014. — 328 с.**

За последние три десятилетия XX века было предпринято немало попыток по-новому концептуализировать прошлое — не через рациональное воспроизведение исторических событий, а через коллективные воспоминания. Как только общественность осознала необходимость уважения воспоминаний людей и их практик коммеморации, ученые обратились к памяти как концепту, способному восполнить потерянный историей навык — связывать прошлое и настоящее.

Santos M.S. Memory and narrative in social theory
[20, p. 163-164]

Книгу А. Ассман «Длинная тень прошлого» сложно вписать в некое дисциплинарное направление или отдельную социологическую теорию, поскольку она задает новый контекст научной апелляции к слову «память». Как правило, оно возникает в социологической литературе в двух случаях. Во-первых, в массовых опросах, пытающихся зафиксировать, какие события и в каком формате их представления формируют устойчивую поколенческую память общества (например отношение нынешних россиян к событиям в Беслане¹ или Пражской весне²). Во-вторых, в публикациях, посвященных качественному подходу, особенно биографическому методу — максимально достоверному «извлечению» из памяти информантов фактов и интерпретаций. Модели запоминания людьми себя и происходящих вокруг событий, как и способы их реконструкции, вариативны, но неизбежно порождают массу типичных и почти не нивелируемых «ошибок». На «истинность» любого воспоминания влияет множество факторов, отследить

¹ На отношение россиян к теракту в Беслане повлиял конфликт на Украине (см. URL: <<http://www.levada.ru/04-09-2014/na-otnoshenie-rossiyan-k-teraktu-v-beslane-povliyal-konflikt-na-ukraine>>).

² Память о Пражской весне (см. URL: <<http://www.levada.ru/16-05-2013/pamyat-o-prazhskoi-vesne>>).

воздействие которых сложно: острота и реалистичность фактических переживаний, коммуникативное взаимодействие в целях их актуализации³ и особенности памяти как «механизма» фиксации биографического опыта, в частности различия семантической и эпизодической памяти [17, с. 18-19].

Содержание памяти меняется под влиянием последующих событий, оценок и нового социального опыта и окружения. При попытке восстановить далекое прошлое мы столкнемся со множеством искажений избирательной памяти [15, с. 133]. Усложняет ситуацию то, что память искажает действительность уже в момент запоминания — «удерживает» только сильные впечатления и значимые события [13, с. 27]. А также что объемы памяти ограничены — она сохраняет лишь миллионную долю автобиографии: «если бы кто-нибудь мог удержать в памяти все пережитое и в любую минуту вспомнить любой отрезок своего прошлого, у него не было бы ничего общего с людьми»⁴. В итоге мы имеем дело с многослойными, неструктурированными и нестабильными биографически нагруженными текстами, авторы которых не всегда сами осознают глубину и искренность своих чувств и слов. Что уж говорить о «...тщетных попытках встать на место ушедшего — ...все равно вы будете оценивать поведение покойного в свете результатов, которые нельзя было предвидеть, и сведений, которыми он не располагал, придавать особое значение событиям, оказавшимся впоследствии поворотными, хотя для него самого они пролетели незаметно»⁵.

Алейда Ассман обращается не только к индивидуальной, но и к другим типам памяти. По ее мнению, как ни рассматривай вопрос о правдивости или аутентичности воспоминаний — в научной, внешней или же субъективной, внутренней перспективе — проблема никуда не денется. Поэтому автор предпочитает сфокусироваться на конкретных понятиях и примерах, чтобы обозначить причины ложных и некорректных воспоминаний, ключевые стратегии вытеснения, модели жертвенных нарративов, логику переходов от индивидуальной памяти к коллективной, создающей мемориальные места и особые конструкты личной и национальной идентичности.

Другой необходимый для текста Ассман научно-дискуссионный контекст формирует «пространственный поворот» социологии —

³ В интервью человек пытается избежать наиболее сензитивных для себя тем, на его нарратив влияет институциональный шаблон стилизации жизненного пути согласно конкретному фрейму [1, с. 106; 5].

⁴ Кундера М. Неведение: Роман / Пер. с фр. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 120–121.

⁵ Сартр Ж.-П. Слова: автобиографическая повесть / Пер. с фр. Ю. Яхниной, Л. Зониной. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 229.

интерес к коллективной памяти и практикам коммеморации в теориях «социального производства пространства» [14]. Разнообразные концепции социологически релевантного анализа топонимических практик объединяет убеждение, что наименования и переименования пространственных локализаций связаны с символической властью — способностью (нередко насильственной) «учреждать данность через высказывание» [6, с. 95]. Любое пространство — «социальный продукт» [9, с. 27], результат (вос)производства системы социальных отношений [10] и борьбы социальных акторов и институтов [12]. Пространственные обозначения можно рассматривать как воплощения процессов запоминания, припоминания и воссоздания соответствующих нынешнему политическому моменту образов прошлого, если видеть в памяти социальную активность, выражение и связующую основу групповой идентичности [18]. То есть изучение коллективной памяти должно в равной степени фокусироваться и на практиках коммеморации, и на практиках забвения [19] даже в топонимических исследованиях «мест памяти» — материальных референтов коллективной памяти, где она «кристаллизуется и находит свое убежище» [11, с. 17]. Так, Ассман выделяет четыре особенности законсервированных и музелизированных травматических мест, например концлагеря Бухенвальд в его нынешнем статусе политического мемориала: «антеическая магия» (чувственная конкретика и аффективный колорит), сочетание аутентичности и инсценировки (реконструкция во имя сохранения аутентичности уничтожает ее), палимпсестность (историческая многослойность), сверхдетерминированность и мультиперспективность (для родственников погибших, туристов, политиков, историков и др.).

Книга пытается увязать обозначенные макро- и микроуровни анализа механизмов памяти и ее референтов в сложный комплекс, в центре которого оказываются «мифические архетипы» и «коллективные ментальные образы-иконы» как устойчивые «культурные конструкции». Фактически речь идет о метанарративах — образах «правильного» и «неправильного» мира [16, с. 78–85], которые циркулируют внутри социальных групп и в обществе в целом, закрепляя доминирование господствующей идеологии и сложившееся положение дел — как правильное и справедливое [7, с. 29]. Эти «публичные мифы» задают как способы индивидуальных и коллективных воспоминаний через «меню» символов, образов, объяснений, руководств к действию и т. д. в системе метафорических оправданий и причинных зависимостей (поэтому невозможны невинные свидетельства о прошлом), так и устойчивые форматы дискурсивного (вос)создания тех культурных и мемориальных контекстов, которые определяют саму возможность запоминания и припоминания чего бы то ни было людьми, живущими в конкретном обществе.

Уже из перечисления контекстуальных рамок, куда вписывается книга, очевидно, сколь хорошо она стимулирует социологическое воображение. Но автор обозначает еще один, принципиально важный для себя аналитический фрейм посвящением Райнхарту Козеллеку — своему «внутреннему адресату». Благодаря его работам с 1960-х годов «осознание значимости языка, слов и словосочетаний оказало огромное влияние на исторический анализ, подвергнув решительным изменениям как его методы, так и его познавательные интересы» [3], и сегодня «история настолько является историей, насколько она “схвачена” понятиями» [2, с. 54]. Так, Ассман упоминает, что ни преступники, ни жертвы не знали, что участвуют в «Холокосте»: понятие стало использоваться в данном смысле с конца 1960-х годов, с 1970-х обозначенная им тема стала центральной в истории Второй мировой войны, в 1980-е и особенно в 1990-е «Холокост становится глобальным символом вины и травмы» (с. 166).

Множественность исследовательских «фреймов» в изучении коллективной памяти определяет уверенность автора в том, что любой законченный текст, посвященный этой теме, ограничен. В предисловии к книге Ассман иронически замечает: «...для тех, кто избрал тему памяти, мечта... всю жизнь работать над одной книгой, постоянно переписывая ее, может легко обернуться явью: эта тема достаточно обширна, важна и увлекательна, чтобы вновь и вновь возвращаться к ней» (с. 7). Свой труд, итог пятилетней работы, Ассман считает лишь одной из возможных версий исследования мемориальной культуры и исторической политики.

Книга состоит из двух частей, предваряемых кратким предисловием и развернутым введением, озаглавленным «Триумф и травма». Оно задает общую тональность книги и обозначает особенность авторского стиля — на конкретных примерах показывать суть сложных социальных, исторических и поколенческих процессов, символически фиксирующих как предельно травматичные, так и триумфальные события прошлого. В качестве отправной точки текста выступает первая годовщина Дня памяти жертв Холокоста в январе 1997 года, приуроченного к дате освобождения концентрационного лагеря Аушвиц, когда на Бранденбургские ворота была наложена световая проекция ворот концлагеря. В данном единичном событии Ассман усматривает яркий пример попытки заглянуть в глубины немецкой исторической памяти. Во-первых, в отличие от многих других памятников, превратившихся в материальные реликты и утративших свое эмпатическое послание потомкам, ворота сохранили значение национального символа, неоднократно становясь объектом травматических и триумфальных моментов истории. Во-вторых, благодаря передовым рекламным стратегиям они стали одним из самых узнаваемых символов Германии, воплотив сложнейшее сочетание мемориальной культуры,

рекламного проекта и исторического памятника⁶. В-третьих, световая инсталляция Холокоста (национального травматического «места памяти») на Бранденбургские ворота (национальное триумфальное «место памяти») показала, как легко можно совместить в визуальном образе то, что разделено пространством, историей, и сильнее всего — в коллективной памяти и индивидуальном сознании.

Автор полагает, что именно в промежутке между полюсами триумфа и травмы «действует мифомоторика конструирования национальной идентичности» (с. 10). Но уточняет, обращаясь к работам Козеллека, что негативные воспоминания бывают двух типов: кровавое насилие и поражения, которые не воспринимаются как бессмысленные, потому что к ним приложима идея справедливости, и экстремальное по масштабам и чудовищности насилие (например Холокост). Она советует воспринимать свою книгу не как историческое исследование, а как попытку оценить модели восприятия событий типа Холокоста или Второй мировой войны последующими поколениями, понять, как разделяется, замалчивается, реконструируется в медиальных формах и ритуальных презентациях коллективный опыт. Ассман убеждена, что современные научные исследования памяти, рассматривающие прошлое как конструкт, не всегда осознают «несвободу последующих поколений от травматического прошлого и невозможность обходиться с ним по своему усмотрению» (с. 10), поэтому ставит перед собой задачу объединить различные дисциплинарные подходы внутри общего мемориального дискурса, четко определить его базовые понятия и отразить их в конкретных темах и фактах новейшей истории.

В первой части книги обозначены теоретические основания, формирующие сегодня фундамент научного осмысления ключевых топосов индивидуальной и коллективной памяти, и категориальный аппарат изучения переходов от индивидуального конструирования прошлого к коллективному. Главным понятием для Ассман выступают различные «мы»-группы (семья, соседи, поколение, общество, нация, культура), «с которыми связывает себя индивид и которые отражают целый спектр разнородных, более или менее эксклюзивных принадлежностей» (с. 17). Разнообразные групповые идентичности позволяют индивидуальной памяти «вместить в себя гораздо больше, нежели содержание собственного неповторимого опыта» (с. 19).

⁶ Примерно о том же писал В. Беньямин, утверждавший, что в эпоху технической воспроизводимости любое произведение искусства лишается своей ауры — перестает быть уникальным и частью традиции, превращается в массовое под влиянием страстного стремления масс в рыночном обществе «приблизить» к себе вещи как в пространственном, так и в человеческом отношении [4].

Автор выделяет различные «горизонты памяти», между которыми сложно провести четкие границы: «их отдельные элементы совмещаются в конкретном человеке, перемешиваются в нем и наслаиваются друг на друга» на разных, но тесно взаимосвязанных и не способных существовать друг без друга уровнях памяти (с. 29) — нейронно-биологическом (основа и предпосылка воспоминаний), социальном («динамичный процесс торга и согласований») и культурном (институционально закрепленные и устойчивые символические практики и «тексты» культуры). Ассман отказывается от противопоставления индивидуальной и коллективной памяти, рассматривая «четыре формации, которые различаются по критериям пространственно-временного диапазона, по размеру группы, по ее неустойчивости или стабильности, по соотношению накопительной (“пассивные” архивы, музеи, библиотеки) и функциональной (активное использование материальных и символических реликтов минувших эпох — традиции, ритуалы, канонизация артефактов) своих частей, по склонности к унификации и инструментализации: память индивидуума, социальной группы, политического коллектива нации и, наконец, память культуры» (с. 19).

Индивидуальная память ненадежна, но именно она «делает человека человеком, без нее нельзя ни сформировать собственную личность, ни общаться с другими людьми» (с. 20). Здесь Ассман выделяет три типа воспоминаний: наличные — прошедшие речевую обработку, имплицитная история жизни; «досознательные» — дремлют, но внезапно могут быть осознаны и получить словесное воплощение; «бессознательные» — вытесненные травматичные, болезненные или постыдные. Все три группы характеризуются перспективностью, взаимосвязью с воспоминаниями других людей, фрагментарностью, эфемерностью, лабильностью и экзистенциальным горизонтом «памяти трех (семейных) поколений». Социальная память представлена историческими и социальными поколениями, «которые ритмизируют временной опыт общества» (с. 22) в неформальной коммуникации и коллективной работе, сменяясь примерно с тридцатилетним интервалом. «Социальная память — скоординированная память отдельных индивидов, что обеспечивается их совместным проживанием, речевой коммуникацией и дискурсами; коллективная и культурная память основываются на ресурсе опыта и знаний, который отделяется от живых носителей и переходит на материальные информационные носители, что сохраняет воспоминания и за пределами отдельных поколений... культурная память характеризуется широчайшим, потенциально многовековым временным горизонтом» (с. 32). Политическая, или национальная память, в отличие от «многоголосой социальной памяти, которая является памятью “снизу” и вновь и вновь исчезает со сменой

поколений, оказывается долговременной и гораздо более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институтами, воздействуя на общество “сверху”» (с. 35), и выступает основным механизмом формирования нации, которой «необходимо не только “тело” (политические и финансовые интересы, примордиалистские истоки и т. д.), но и “душа” (героическое прошлое, великие люди, слава)» (с. 36).

Понятие коллективной памяти, к которому до сих пор относятся настороженно в силу его неопределенности, а нередко даже мистцизма и метафоричности, Ассман трактует в духе С. Сонтаг — как некую конвенцию, идеологический «архив суггестивных образов (ментальных, материальных, медиальных и политических символов), призванных влиять на верования, чувства, мнения и управлять ими» (с. 27). С начала 1990-х годов критическое отношение к этим образам как средствам манипулятивного воздействия сменилось их культурологическим критическим исследованием как социокультурных конструктов и осознанием необходимости для человека обращаться к коллективной символической и «воображаемому сообществу». Анализировать данный вид памяти, как и все остальные, Ассман предлагает через взаимодействие трех факторов: носителя (для нейронной памяти это организм человека), среды (социальное окружение) и опоры (мемориальные стратегии и медиальные записи). Для социальной памяти это, соответственно, социальная группа с общим и регулярно обновляемым ресурсом воспоминаний, отдельные индивиды и символические медиаторы. Для культурной памяти — культурные объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и их институций (носитель); группа, которая определяет свою идентичность (среда) и индивиды, осваивающие и творчески использующие символы (опора).

Ссылаясь на работы Э. Ренана, Ассман полагает, что нация может сформироваться только при наличии «мифомоторики», отвечающей за конструирование национальной идентичности посредством отсылок к прошлому как «важнейшей аффективной скрепе для консолидации». Основу мифомоторного потенциала национальной памяти составляют общие страдания, а не радости: «траур консолидирует сильнее, чем триумф» (с. 41). Забвение (пренебрежение, деформация, потеря, отбор, отбрасывание или уничтожение воспоминаний) имеет конститутивное значение для национальной памяти. Между конструкциями коллективной памяти и их научно-исторической объективацией существует конфликт, поэтому история как репрезентация прошлого, универсальное знание и профессиональный дискурс с XIX века оказалась несовместима с памятью как частной историей, «актуальным феноменом, переживаемой связью с вечным настоящим», хотя

прежде они были слиты в мифе (с. 42). С 1980-х годов между научно-историческим, объективным анализом «историков-повествователей» и мемориально-ориентированным, субъективным анализом «историков-адвокатов и судей» наметилось сближение вследствие признания ценности устных преданий в постколониальных странах, в посттравматической ситуации геноцида, в связи с изучением Холокоста посредством «категорий свидетельства, совести и ответственности» (с. 49). Сегодня «историческое исследование обязано памяти своей значимостью и ценностной ориентацией, память обязана историческим исследованиям своей верификацией и коррективами» (с. 50).

Завершает первый раздел первой части книги утверждение автора, что «мы никогда не являемся современниками исключительно своей собственной эпохи, ибо пользуемся опытом прежних времен... мы в значительной степени являем собой то, о чем помним и что забываем» (с. 61–62).

Второй раздел посвящен тем «наиболее важным и аффективно насыщенным топосам, которые в определенных исторических ситуациях позволяют отреагировать на соответствующие вызовы» (с. 63). Они представляют собой группы ответов на три вопроса, сформулированных Козеллеком: о ком следует помнить, что и как (Ассман дополняет их вопросом о субъекте воспоминаний). Как правило, мы помним о собственных победах и поражениях соседей, хотя центральными событиями национальных коммемораций могут стать и поражения. Они укрепляют национальную сплоченность; вспоминаются с большим пафосом и богатым церемониалом, если национальная идентичность базируется на жертвенности и чувстве общности перед лицом внешнего давления; легитимизируют притязания и мобилизуют сопротивление. Однако следует отделять поражение как «неиссякаемый источник света, мифическое первоначало» национальной борьбы или будущей интеграции (побежденный оказывается моральным победителем в модусе героической жертвы) от травмы, нарушающей и разрушающей идентичность жертвы, что Ассман иллюстрирует сравнением итогов Первой и Второй мировых войн для немцев.

Кроме того, «современность приобрела характер посттравматической эпохи, поскольку фигура пассивной жертвы оказалась в центре медийного внимания, обретя высокую культурную значимость» (с. 82). Возник новый дискурс о жертвах: «...исторические травмы были артикулированы с точки зрения тех, чья история замалчивалась официальной историографией», — прежде всего жертв колониализма и Холокоста, которые, в отличие от героев-мучеников, невинны и чисты (с. 82). То есть исторические сокрытия и умолчания носят

двойственный характер: жертве они позволяют на время дистанцироваться от травмы, терапевтически и морально «проработать» воспоминания; преступник же табуизирует преступление, чтобы обрести безопасность и защиту от преступлений. Между полюсами парадигматической пары «преступник – жертва» существует сложная гамма оттенков, для ее констатации в жизни необходима внешняя инстанция свидетельства.

Различные формы памяти и ее блокировки Ассман определяет через понятия травмы, замалчивания, забвения и скорби. Первым она характеризует только специфический (психический) опыт жертвы: преступник может испытать травматический шок лишь вследствие конфронтации с личными ответственностью и совестью или же краха триумфальных фантазий. Замалчивание преступниками своих деяний имеет давние традиции, но после Второй мировой войны к молчанию принуждали и жертв Холокоста — и мировые державы, и они сами. Забвение — целенаправленная стратегия и ресурс запоминания, если речь идет о «предписанном забвении» как каре или акте милосердия и пощады (амнистия). Траур (скорбь) — не только личный аффект, он выполняет важную социальную функцию «ритуального укрепления чувства преемственности и общности» (с. 117) в ответ на разрушение представлений нации о себе.

Для Ассман отличительная черта современности — не просто все возрастающее значение индивидуальной и коллективной памяти, а парадигматические перемены в исторической политике. Прежде «по окончании войны противоборствующим сторонам предписывалось совместное забвение, призванное нейтрализовать воспоминания, опасные для мирного сосуществования победителей и побежденных. Но забвение не обладает целительной силой для исторических травм, связанных с угнетением людей, массовым уничтожением невинных и незащищенных жертв... если ранее грамматику национальной памяти тысячелетиями определяла триумфальная или оскорбленная честь, то теперь... публичные и официальные признания вины, ...максима о целительной силе забвения уступила место этическому требованию хранить совместное воспоминание» (с. 122–123).

Во второй, наиболее объемной, части книги Ассман с неудачно переведенным названием «Анализы и примеры» представлены реальные сюжеты, иллюстрирующие положения первой части (хотя интереснейшие примеры из далекого и недавнего прошлого разбросаны по всему тексту). С их помощью автор составляет своеобразный тезаурус междисциплинарного изучения памяти: ритуалы и грамматика коммеморации, жанры и речевые форматы публичной коммеморации, образы-воспоминания и образы-представления, виды памяти — «восстановленная», «вспышечная» и др., типы воспоминаний —

«ложные», «некорректные», «дремлющие» и пр., стратегии вытеснения и отрицания вины — самооправдание, взаимный зачет в самооправдательном дискурсе, апологетическая экстернализация, «ампутация морального чувства» посредством пробелов или ошибок запоминания, безмолвное молчание жертв и замалчивание преступлений преступниками, фальсификация воспоминаний под давлением новых рамок памяти, ограничения дискурса, цензура и дискурсивные табу (ряд воспоминаний не выходит за пределы семейного круга, другие составляют официальный дискурс) и т. д.

Мы ограничимся лишь кратким обозначением ключевых для автора вопросов. Так, проблему правдивости воспоминаний Ассман рассматривает через два основных модуса автобиографической памяти, предложенных Г. Грассом — «я-память» и «меня-память». Первая вербальна, декларативна, объясняется теорией реконструкции и метафорой «колеи»; вторая — мимолетна, диффузна, эмоциональна, дремлет и актуализируется с помощью мест и вещей, объясняется теорией сохранения и метафорой «следа». В качестве примера приведены воспоминания об Аушвице Примо Леви и Райнхарта Козеллека: первые запечатлены в теле, жгучие, «вспышечные», неизменные и подлинные; вторые закреплены словом и повторяющимся рассказом, теряют со временем силу живого чувственного переживания и меняются с каждой новой актуализацией. «Чем чаще рассказываешь о чем-то, тем меньше вспоминаешь о непосредственном переживании и тем больше запоминаешь сами слова рассказа» (с. 137).

Развивают тему подлинности автобиографических воспоминаний яркие примеры приспособления памяти и идентичности к условиям времени. Так, «ложные воспоминания» — результат неосознанного (вследствие вынужденной переориентации, покаяния и искупления) или сознательного искажения, скажем, «присвоения воспоминаний несуществующей жертвы, дабы, воспользовавшись этическим поворотом от сакрифицированных к виктимологическим формам коммеморации, привлечь к себе общественное внимание и добиться мирового признания» (с. 160). Однако и ложные воспоминания могут оказаться корректными — пригодными для жертв и социально приемлемыми, причем более пластична устная традиция, а в письменном документе сильнее «вето на абсолютный диктат современности». По словам автора, «мы живем в тени прошлого, которое по-разному воздействует на настоящее, беспокоя и тревожа следующие поколения эмоциональными диссонансами и моральными дилеммами... Действительное отношение к прошлому становится от десятилетия к десятилетию все более строго регламентированным. Чем более строго регламентировано это отношение, тем больше обнаруживается, что прошлое является продуктом настоящего» (с. 172).

Отдельного упоминания заслуживает тот «материал, который позволяет [автору] прочертить постоянно меняющиеся траектории теоретических дебатов о том, как складываются социальные представления о прошлом, что стоит за человеческой способностью помнить и предавать сомнению, благодаря чему индивидуальное воспоминание есть не только непосредственное свидетельство о прошлом, но и симптом, отражающий культурный контекст самого вспоминающего» (с. 4). Во-первых, это большой массив работ немецких и французских авторов XX века, который помогает отечественному читателю получить представление об особенностях и контекстах осмысления проблемы социального забывания и припоминания в малоизвестных в России исследовательских традициях (причем зачастую — из развернутых цитат). Во-вторых, это важнейшие исторические события локального, национального и глобального масштабов, рассмотренные как на объективно-хронологическом, так и на коммеморативном уровне.

Содержательные и структурные особенности книги, на первый взгляд, делают ее очень «рыхлой», мозаичной. Возникает ощущение, что автор попытался втиснуть в текст слишком много дисциплинарных (психологических, социологических, исторических и др.) контекстов и «вещей» (суть нынешней «посттравматической эпохи», современные мемориальные практики и теории, конструктивный характер индивидуальных и коллективных воспоминаний и т. д.), но не предоставил достаточного количества пояснений, ограничившись лишь общим посылом: «настоящее дирижирует прошлым, словно музыкантами оркестра... на настоящее воздействует лишь та часть прошлого, которая нужна, чтобы либо высветить это настоящее, либо затемнить его» (с. 13). Чтобы книга не оставила именно такого впечатления, требуется определенный уровень начитанности и подготовки, но и в случае отсутствия такового она будет интересна и полезна, особенно сегодня, когда во многих странах общественное мнение подвергается манипулятивному воздействию с помощью искусных образов прошлого.

Выступая на презентации своей книги в Москве, Алейда Ассман отметила, что нынешняя «немецкая модель» национальной памяти, перевернувшая логику формирования воспоминания от самовозвышения к признанию собственной вины, складывалась в Германии долгие годы и пережила четыре стадии трансформации: всеобщее забвение, «помнить, чтобы никогда не забыть», «помнить, чтобы преодолеть», «диалогическая память». Россия, по ее мнению, еще не дошла до этапа «помнить, чтобы никогда не забыть», и старательно

забывает собственную историю⁷. Автора беспокоит, что в современном мире глобальных СМИ неспособность наций выстраивать мифологизированные представления о себе и забывать о жертвах собственной истории пока еще не превратила признание ее негативных последствий в общепринятую этическую практику. На презентации книги она ссылается на отказ США выставить в Смитсоновском институте бомбардировщик, сбросивший атомную бомбу на Хиросиму; и на Россию, где не видит готовности осудить преступления сталинского режима и признать жертвы ГУЛАГа. Впрочем, ее обнадеживает то, что «переписать историю сложно. А если историкам будут затыкать рот, то останутся писатели, которые их заменят и будут рассказывать о настоящей, правдивой истории». Ярким подтверждением тому служат приводимые в книге Ассман цитаты из художественной литературы, равноценные для нее по своему «статусу» историческим свидетельствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батыгин Г.С.* Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива // Моральный выбор. Вестник. Вып. 20 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики, 2002. С. 4-13.
2. *Бёдекер Х.Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сб. статей под ред. Х.Э. Бёдекера; Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5-20.
3. *Бёдекер Х.Э.* Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сб. статей под ред. Х.Э. Бёдекера; Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 34-65.
4. *Беньямин В.* Краткая история фотографии. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. — 144 с.
5. *Бурдые П.* Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75-81.
6. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 137-150.
7. *Диттмар Х.* Экономические представления подростков // Иностранная психология. 1997. № 9. С. 25-36.
8. История понятий, история дискурса, история менталитета / Сб. статей под ред. Х.Э. Бёдекера; Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение. 2010. — 328 с.
9. *Лефевр А.* Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. № 3. С. 27-29.

⁷ Алейда Ассман: «Россияне старательно пытаются стереть из памяти очень многое...» (см. URL: <<http://www.dw.de/алейда-ассман-россияне-старательно-пытаются-стереть-из-памяти-очень-многое/a-18012698>>).

10. *Лефевр А.* Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70) [электронный ресурс]. Дата обращения 25.03.2015. URL: <<http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>>.
11. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция — память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
12. *Серто М. де* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто; Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 330 с.
13. *Страниус П.* Проблема «говорящих голов» и русская интеллигенция // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. Труды ЦНСИ. Вып. 5. СПб.: ЦНСИ, 1997. С. 26-30.
14. *Терентьев Е.А.* Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 3. С. 73-86.
15. *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. — 366 с.
16. *Ульбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. — 264 с.
17. Устная история и биография: женский взгляд / Ред. и сост. Е.Ю. Мещеркина. М.: Невский простор, 2004. — 270 с.
18. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.
19. *Connerton P.* Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. P. 59-71.
20. *Santos M.S.* Memory and narrative in social theory: The contributions of Jacques Derrida and Walter Benjamin // Time & Society. 2001. Vol. 10. P. 163-189.

И.В. Троцук,
кандидат социологических наук,
Российский университет дружбы народов

Дата поступления: 25.10.2014.

I.V. TROTSUK

Trotsuk Irina Vladimirovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia.

Address: Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, 117198, Russia.

Phone: +7 (495) 433-20-22. **Email:** irina.trotsuk@yandex.ru

TO REMEMBER OR TO FORGET:

IMPLICATIONS OF THE CHOICE FOR PAST AND PRESENT

[REV.] ASSMANN A. LONG SHADOW OF THE PAST: MEMORIAL CULTURE AND HISTORICAL POLITICS / TRANSL. FROM GERMAN BY B. KHLEBNIKOV. MOSKVA: NOVOE LITERATURNOE OBOZRENIE, 2014. — 328 p.

REFERENCES

1. Batygin G.S. *Kar'era, jetos i nauchnaja biografija: k semantike avtobiograficheskogo narrative.* Moral'nyj vybor. Vedomosti. Vyp. 20. [Pod red. V.I. Bakshtanovskogo, N.N. Karnauhova]. Tjumen': NII prikladnoj jetiki, 2002. S. 4-13. (In Russ.)

2. Bjodeker H.Je. *Otrazhenie istoricheskoy semantiki v istoricheskoy kul'turologii*. Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija mentaliteta. [Sb. statej pod red. H.Je. Bjodekera; Per. s nem. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 5-20. (In Russ.)
3. Bjodeker H.Je. *Razmyshlenija o metode istorii ponjatij*. Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija mentaliteta. [Sb. statej pod red. H.Je. Bjodekera; Per. s nem.]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 34-65. (In Russ.)
4. Ben'jamin V. *Kratkaja istorija fotografii*. Moskva: OOO "Ad Marginem Press", 2013. — 144 s. (In Russ.)
5. Burd'e P. *Biograficheskaja illuzija*. INTER. 2002. № 1. S. 75-81. (In Russ.)
6. Burd'e P. *Social'noe prostranstvo i simbolicheskaja vlast'*. Thesis. 1993. № 2. S. 137-150. (In Russ.)
7. Dittmar H. *Jekonomicheskie predstavlenija podrostkov*. Inostrannaja psihologija. 1997. № 9. S. 25-36. (In Russ.)
8. Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija mentaliteta. [Sb. statej pod red. H.Je. Bjodekera; Per. s nem. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. — 328 s. (In Russ.)
9. Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva*. Sociologicheskoe obozrenie. 2002. № 3. S. 27-29. (In Russ.)
10. Lefevr A. *Social'noe prostranstvo*. Neprikosnovennyj zapas. 2010. № 2 (70) [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 25.03.2015. URL: <<http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>>. (In Russ.)
11. Nora P. *Problematika mest pamjati*. Ozuf M., Pjuimezh Zh. de, Vinok M. Francija — pamjat'. St-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. S. 17-50. (In Russ.)
12. Serto M. de *Izobrenenie povsednevnosti*. 1. *Iskusstvo delat'*. [M. de Serto; Per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoj. St-Peterburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. — 330 s. (In Russ.)
13. Stranius P. *Problema "govorjashhih glav" i russkaja intelligencija*. Biograficheskij metod v izuchenii postsocialisticheskikh obshhestv: Materialy mezhdunarodnogo seminar. [Pod red. V. Voronkova, E. Zdravomyslovoj]. Trudy CNSI. Vyp. 5. St-Peterburg: CNSI, 1997. S. 26-30. (In Russ.)
14. Terent'ev E.A. *Toponimicheskie praktiki kak ob'ekt sociologicheskogo issledovaniya: analiticheskij obzor*. Vestnik RUDN. Serija "Sociologija". 2014. № 3. S. 73-86. (In Russ.)
15. Tompson P. *Golos proshlogo*. Ustnaja istorija. [Per. s angl.]. Moskva: Ves' Mir, 2003. — S. 366. (In Russ.)
16. Ulybina E.V. *Psihologija obydenного soznaniya*. Moskva: Smysl, 2001. — 264 s. (In Russ.)
17. *Ustnaja istorija i biografija: Zhenskij vzgljad*. [Red. i sost. E.Ju. Meshherkina]. Moskva: Nevskij prostor, 2004. — 270 s. (In Russ.)
18. Hal'bvaks M. *Social'nye ramki pamjati*. [Per. s fr. i vstup. stat'ja S.N. Zenkina]. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2007. — 348 s. (In Russ.)
19. Connerton P. *Seven types of forgetting*. Memory Studies. 2008. No. 1. P. 59-71.
20. Santos M.S. *Memory and narrative in social theory: The contributions of Jacques Derrida and Walter Benjamin*. Time & Society. 2001. Vol. 10. P. 163-189.

Received: 25.10.2014.